

од своей истории ингерманландцы во многих сферах своей жизни и деятельности обладали возможностями, которые в последующем им уже не представлялись.

2. Ингерманландская диаспора в Финляндии.

Ингерманландский вопрос и советско-финляндские отношения.

Как и во время гражданской войны, внутреннее развитие Ингерманландии и других российских областей с прибалтийско-финским населением было связано с советско-финляндскими межгосударственными взаимоотношениями. Политика советских властей по отношению к ингерманландскому меньшинству, с одной стороны, зависела от состояния отношений между РСФСР/СССР и Финляндией и, с другой стороны, сама оказывала влияние на них. Восстание в Восточной Карелии в конце 1921 — начале 1922 гг. сопровождалось новым усилением напряженности, после же его подавления и до конца 1920-х гг. советско-финляндские отношения находились в состоянии неустойчивого равновесия. Политические контакты были сведены к минимуму, но и явной враждебности не наблюдалось. В 1922 г. финляндский парламент отказался ратифицировать соглашение об оборонном союзе с Польшей, антисоветская направленность которого была бы очевидна. В 1923—1930 гг. командование РККА и Ленинградского Военного Округа руководствовалось тезисом о нейтралитете Финляндии в случае войны между СССР и третьим государством. Авторы составленного в 1928 г. доклада «Будущая война», сотрудники 4-го Управления Генштаба РККА, выражали мнение, что с Финляндией у СССР «из всех западных соседей меньше всего противоречий. И этнографически, и экономически, и исторически Финляндия имеет все права на самостоятельное существование, не оспариваемое Советским Союзом».¹¹² Подобного мнения придерживались и в НКВД: полпред в Финляндии И.Л. Лоренц в декабре 1925 г. отмечал в своем докладе, что финляндское руководство «из всех наших непосредственных соседей менее всего склонно в отношении нас идти на какие бы то ни было агрессивные шаги».¹¹³

¹¹² Килин Ю.М. Военно-политические аспекты советско-финляндских отношений в 1920-1930-е годы // Россия и Финляндия в XX веке. С. 86—87.

¹¹³ Рупасов А.И. Указ. соч. С. 48.

Тем не менее, обоюдное недоверие в отношениях между двумя сопредельными государствами сохранялось. Антирусские и антисоветские настроения в Финляндии по-прежнему были сильны. Работа против восточного соседа была важнейшей составной частью деятельности финских спецслужб. Наиболее крупные подразделения военной разведки и центральной сыскальной полиции располагались в городах вблизи восточной границы, включая Выборг и Терийоки. В нескольких городах, в том числе в Выборге, находились разведывательные пункты, осуществлявшие агентурную деятельность, направлявшие разведчиков с заданиями в СССР.¹¹⁴ Вполне естественным со стороны спецслужб выглядело стремление опереться в своей работе на агентуру, завербованную среди выходцев из России и репатриантов. К примеру, по материалам выборгского отдела Центральной сыскальной полиции, касающимся ведения разведки на СССР в 1920-е — 1930-е гг., проходит 74 человека, из которых 25 человек родились в России (16 — в Карелии и 7 — в Ингрии); из финляндских уроженцев подавляющее большинство родились вблизи восточной границы.¹¹⁵

Еще один фактор, оказывавший влияние на советско-финляндские отношения после революций и гражданских войн, был связан с присутствием диаспор в обеих странах: финской в Советской России/СССР и российской в Финляндии. В начале 1920-х гг. в Финляндии находилось около 33 500 бывших российских подданных, из них примерно 8300 ингерманландских беженцев, 15 тысяч русских и более 10 тысяч восточных карелов.¹¹⁶ Через несколько месяцев после подписания Тартуского мира, весной 1921 г., началось возвращение беженцев на родину. Порядок перехода беженцев через границу был определен в приказе пограничного коменданта Э. Хейнрикса от 10 марта 1921 г. Для беженцев, получивших пропуска, местами перехода

¹¹⁴ Веригин С.Г., Лайдинен Э.П. Финский шпионаж и политические репрессии на Северо-Западе России в 1920–1930-е гг. // Политический сыск в России: история и современность. С. 200.

¹¹⁵ Там же. С. 202–203. Документы центральной сыскальной полиции подтверждают, что сведения, сообщаемые переходившими границу ингерманландцами, представляли немалый интерес для военной разведки (Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 146).

¹¹⁶ Nevalainen P. Inkerinmaan ja inkeriläisten vaiheet 1900-luvulla. S. 261; Невалайнен П. Финляндия и СССР в 1920-х — 30-х гг.: основные характеристики миграции и торговли // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 106.

границы были определены станция Раяйоки и деревни Липола и Раасули. Организацией перехода через границу ведали пограничная комендатура в Терийоки и ее отделение в Рауту. Беженцы могли брать с собой свое имущество, привезенное из России, а также, по специальному разрешению коменданта, и то, что они приобрели в Финляндии. Перешедшие границу не имели права снова возвращаться в Финляндию.¹¹⁷ С советской стороны возвращением беженцев в Финляндии ведал эвакуационный комитет, а после его отбытия из страны его функции были переданы в советское полпредство.¹¹⁸ Срок регистрации беженцев в советском полпредстве в Финляндии, установленный первоначально до 1 мая 1924 г., был продлен до 1 января 1926 г. Репатриация проводилась согласно спискам, подготовленным полпредством. Некоторым из ингерманландцев удавалось, благодаря неожиданным актам либерализма со стороны советских пограничных властей, избежать процедуры регистрации и пересечь границу в упрощенном порядке. В частности, в октябре 1924 г., когда готовилось возвращение в Советский Союз 52 ингерманландских семей, уполномоченный пограничной охраны, как сообщал полпред в Финляндии А.С. Черных (предшественник И.Л. Лоренца на этом посту), «собственной властью, не запрашивая ни нас, ни НКВД, ни другие центральные учреждения, пропустил через границу, помимо нашего эшелона... еще 190 человек ингерманландцев, собравшихся “на всякий случай” возле границы».¹¹⁹ В то же время ОГПУ, в ведении которого находилась пограничная охрана, выставило требование, чтобы беженцы возвращались в СССР только через Белоостров, что, безусловно, тормозило процесс репатриации.¹²⁰ К середине 1920-х гг. в Советскую Россию вернулись примерно 5500 ингерманландцев, почти 8000 карелов и почти 11 000 русских. В 1926–1929 гг. возвратились еще около 800 человек.¹²¹ На местах возвращенцев принимали с известной долей недоверия. Так, на заседании Куйвозовского волостного исполкома в июне 1924 г. было принято постановление разрешить прибывшим из

¹¹⁷ ЛОГАВ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 87. Л. 21.

¹¹⁸ Kertomus Pohjois-Inkerin toimikunnasta vuosina 1921–1922 // KA. IA. Kansio XX. Inkerin pakolaisten edustajakokoukset.

¹¹⁹ Рупасов А.И. Указ. соч. С. 40–41.

¹²⁰ Там же. С. 42.

¹²¹ Nevalainen P. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä. Venäjän pakolaiset Suomessa. Helsinki, 1999. S. 56.

Финляндии остаться на территории волости до особого распоряжения, причем желающие остаться в волости на постоянное жительство должны были подать в волостной исполком соответствующее заявление; при исполнении надлежало образовать комиссию для рассмотрения таких заявлений.¹²²

Финские власти и органы полиции также настороженно относились к ингерманландцам. Среди последних некоторые промышляли контрабандой, тайком перевоза товар по известным им «коридорам» через сухопутную или морскую границу между двумя государствами. Контрабанда в районе российско-финляндской границы на Карельском перешейке была застарелой проблемой, она появилась еще тогда, когда Выборгская губерния была присоединена к Великому княжеству Финляндскому. После обретения Финляндией независимости контрабанда не прекратилась, напротив, в 1918–1921 гг., в условиях тотального дефицита продовольственных и промышленных товаров в Петрограде она расцвела пышным цветом. С начала 1918 г. новым прибыльным занятием для контрабандистов стала переправка через границу беженцев из Советской России.¹²³ В докладе пограничной комендатуры о положении на российско-финляндской границе в 1919 г. сообщалось о том, что через границу перевозятся в основном продовольственные товары: мука, масло, крупы, кофе. При этом в докладе констатировалось, что «большая часть населения приграничных районов почти оставила другие занятия и принялась зарабатывать этим способом». По большей части, говорилось далее в докладе, приграничные жители тем или иным способом замешаны в контрабанду: «Если они сами не везут товар, то помогают контрабандистам приобретать его». Контрабанда провозилась не только по суше через границу на Карельском перешейке, но и по Ладожскому озеру.¹²⁴ Финские спецслужбы не исключали возможности, что и ГПУ, со своей стороны, могло вербовать агентуру среди ингерманландских беженцев и контрабандистов. Штаб пограничной охраны сообщал в июне 1922 г. губернатору Выборгского лена: «Значительная часть ингерманландских беженцев, живущих в непосредственной близости от государственной границы, либо занимается контрабандой, либо действует в качестве коммунистических

¹²² ЦГА СПб. Ф. 212. Оп. 1. Д. 132. Л. 17.

¹²³ Karste-Liikanen G. Pietari-suuntaus kannakselaisessa elämänkentässä 1800-luvun loppupuolelta vuoteen 1918. Helsinki, 1968. S. 240–241.

¹²⁴ ЛОГАВ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–3.

Возвращение ингерманландских беженцев в Россию,
Раасули, весна 1921 г.

агентов и проводников коммунистических курьеров». На совещании в штабе пограничной охраны в Терийоки с участием главы Терийокского отделения Центральной сыскной полиции обсуждался вопрос о переселении беженцев вглубь Финляндии.¹²⁵ Финские власти в качестве превентивной меры действительно подчас практиковали переселение беженцев из приграничных местностей во внутренние районы страны и, в особых случаях, принудительное выдворение некоторых из них за линию границы. По имеющимся данным, в 1920–1921 гг. из Финляндии был выселен 41 ингерманландец.¹²⁶

Сведения о количестве ингерманландцев, оставшихся в Финляндии после возвращения части беженцев в Россию, противоречивы. По данным Ингерманландского комитета, в середине 1920-х гг. в Финляндии проживали 2800–3000 ингерманландцев.¹²⁷ По сведениям Центральной сыскной полиции на конец 1926 г., в стране находились 2267 ингерманландских беженцев.¹²⁸

¹²⁵ Kannaksen rajavartioston esikunta — Viipurin läänin maaherralle 10.06.1922 // КА. IA. Kansio XXXVII. Rajakomendanttien asiakirjat.

¹²⁶ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 681. Л. 9–11.

¹²⁷ Там же. Ф. 507. Оп. 1. Д. 5. Л. 5; КА. IA. Kansio XVI. Inkeriläisten Toimikunta.

¹²⁸ Selostus karjalaisten ja inkeriläisten pakolaisten asemasta Suomessa // КА. IA. Kansio XVI.

Книги беженского церковного прихода дают, впрочем, несколько более высокие цифры: в 1926 г. по ним числились 3764 человека, в 1930—3532.¹²⁹ Ингерманландские беженцы в подавляющем большинстве были жителями Северной Ингрии, бежавшими через границу на Карельском перешейке, причем поначалу беженцы из приграничья селились в ближайших к их родным волостям приходах на финской территории: выходцы из Белоостровской волости обосновывались в приходе Кивеннапа, лемболовцы уходили в Рауту и Валкъярви, жители Никуляс — в Метсяпиртти. Имелось и некоторое число выходцев с Сойкинского полуострова и других районов Западной Ингрии, которые несколько позже, в 1920 или 1921 гг., переехали в Финляндию морем либо из самой Ингерманландии, либо из Эстонии и поселились на островах Финского залива Лавансаари и Сейскари: по данным выборгской полиции на сентябрь 1921 г., на первом из названных островов находились 123 беженца, на втором — 78.¹³⁰ Позднее некоторые в поисках работы и лучших условий для проживания переехали в другие районы страны.

Ингерманландцы, оставшиеся в 1920-е гг. в Финляндии, из всех осевших здесь бывших россиян в этническом и конфессиональном отношении стояли ближе всего к основному населению страны (этнически также близкие к финнам беломорские карелы преимущественно исповедовали православие). Однако «своими» в Финляндии они становились далеко не сразу, адаптация к новым условиям и им давалась непросто. Первое время беженцы были вынуждены жить на пособие, так как многие ушли в Финляндию без какого-либо имущества, а найти работу на новом месте было трудно. В январе 1921 г., по распоряжению МВД, был основан новый Комитет помощи Ингерманландии, который возглавляли последовательно подполковник Э. Хейнрикс, М. Валконен и Ю. Тирранен. Материальную помощь через комитет получали в апреле 1921 г. 7138 человек, в конце 1922 г. — 2157. Серьезное внимание уделялось организации обучения для детей беженцев. В 1922 г. действовало 13 беженских школ, в которых проходили обучение 479 человек. До весны 1921 г. помощь беженцам продолжал оказывать Американский Красный Крест, представителем которого в Финляндии был капитан Миллс, комитет же занимался распределением продо-

¹²⁹ Inkeriläisten Toimikunnan toimintakertomus 1925–1926 // КА. IА. Kansio XX.; КА. ВРАКА. I. Keskus-kanslia. Нб. 1.

¹³⁰ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 566. Л. 1.

вольственной помощи, поступавшей от американцев.¹³¹ После того, как Американский Красный Крест свернул свою деятельность в Финляндии, забота о беженцах целиком легла на плечи Финляндского государства. В апреле 1922 г. был основан Государственный центр помощи беженцам (Valtion Pakolaisavustuskeskus).¹³² Постепенно беженцам удавалось устраиваться на работу — главным образом рабочими на заводах и лесопилках или грузчиками. Многие, в частности, работали в портах Койвисто и Уурас (Трангсунд) на Карельском перешейке. В начале 1930-х гг. около 66 % проживавших в Финляндии ингерманландцев было занято в промышленности, 7 % — в сельском хозяйстве, 6,4 % — в других отраслях.¹³³ В 1920-е гг. на Карельском перешейке еще действовало около десяти народных школ специально для детей ингерманландцев, которые постепенно прекращали свою деятельность. С конца десятилетия, после того как в 1928 г. была закрыта последняя такая школа в Лейникюля в приходе Рауту, ингерманландские школьники стали обучаться в обычных финских школах.¹³⁴

Не обладая полнотой юридических прав, ингерманландские выходцы испытывали трудности с устройством на работу, приобретением недвижимости, получением высшего образования: очень немногим удалось приобрести в Финляндии земельный надел, лишь 10 % беженцев сумели получить более высокое образование, чем давала народная школа. 17 ноября 1926 г. проблемы беженцев обсуждались на межведомственном совещании, на котором председательствовал министр иностранных дел Э.Н. Сетяля. На совещании было признано желательным оказывать беженцам помощь с возвращением на родину, избегая при этом какого-либо давления. По предложению А. Хакцеля, поверенного в делах Финляндии в России, было решено образовать секретный комитет, который наблюдал бы за соблюдением ингерманландской культурной автономии и положением ингерманландской церкви в Советском Союзе. Совещание пришло

¹³¹ Inkerin Uuden Avustuskomitean toiminnasta 8.22 // KA. IA. Kansio XXXVII. Valtion Pakolaisavustus-keskus.

¹³² Nevalainen P. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä. S. 111.

¹³³ По данным на 1934 г., 2233 ингерманландца работали в промышленности, 235 — в сельском хозяйстве, 127 — в сфере обслуживания, 88 — священнослужителями, учителями и служащими (Nevalainen P. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä. S. 144).

¹³⁴ Ibid. S. 156–157.

Финские пограничники на берегу р. Раййоки

к выводу, что беженцам пока рано предоставлять финляндское гражданство, однако решено было рекомендовать Министерству внутренних дел продлевать им разрешения на пребывание в стране.¹³⁵ Финляндское гражданство большинство беженцев получили только в начале 1930-х гг.¹³⁶ Однако, даже в 1943 г. 1672 ингерманландских выходца не имели гражданства. С местным населением ингерманландцы, как правило, ладили, но некоторая часть коренного населения относилась к беженцам с предубеждением как к выходцам из Советской России. Особенно негативно по отношению к беженцам, но по другим причинам, были настроены финские коммунисты и другие левые, считавшие их бывшими белогвардейцами и конкурентами в борьбе за рабочие места, способными срывать забастовки и работать за низкую заработную плату.¹³⁷

С лета 1919 г. бывший лемболовский пастор П. Сонни начал по собственной инициативе вести духовную работу среди

¹³⁵ Flink T. Pois Inkeristä, ohi Inkerin. S. 45.

¹³⁶ Всего в 1918–1943 гг. финляндское гражданство получили 1651 ингерманландец, 2195 восточных карелов и 4919 русских (Nevalainen P. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä. S. 90).

¹³⁷ Неваляйнен П. Ингерманландцы в Финляндии в XX веке // Финны в России. С. 27–28.

ингерманландских беженцев. Название его должности звучало как «попечитель по церковным делам ингерманландских беженцев». Поначалу его деятельность сосредоточилась в Рауту. Вскоре в Выборге было основано Попечительство духовного призрения, через которое осуществлялись церковные связи ингерманландцев.

Пастор Ю. Варьоваара — духовный попечитель ингерманландских беженцев — в своей канцелярии в Выборге, начало 1930-х гг.

Его руководитель находился в Выборге и разъезжал по Финляндии, проводя службы там, где проживали ингерманландские беженцы.¹³⁸ П. Сонни осуществлял руководство духовной работой среди беженцев до 1923 г. В 1923—1926 гг. во главе попечительства находился бывший белоостровский пастор А. Форстадиус, который, однако (отчасти, видимо, по причине болезни), работал не слишком активно. В 1926 г. он был назначен капелланом в приходе Кивеннапа, а новым духовником беженцев стал Й. Варьоваара, бывший разъездной проповедник, сам имевший, в отличие от своих предшественников, ингерманландское происхождение. Варьоваара старался наладить связи с беженцами, проживавшими во всех частях страны, многие районы он посещал лично. В 1930-е гг. неоднократно устраивались церковные праздники, на которых проповедовали епископы и бывшие ингерманландские пасторы.¹³⁹ Число ингерманландцев, охваченных духовным призрением, росло до начала 1930-х гг.: в 1927 г. по церковным книгам попечительства числились 3164 человека, в 1930 г. — 3532. В дальнейшем, однако, это число стало сокращаться вследствие постепенной натурализации беженцев: в 1935 г. по церковным книгам проходили уже только 2932 человека, в 1940 г. — 2384, а в 1941 г. (после принятия нового закона о гражданстве, дававшего гражданские права всем членам семей беженцев в возрасте до 21 года, в результате чего

¹³⁸ Там же. С. 28—30.

¹³⁹ Nevalainen P. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä. S. 178—179; Luther G. Op. cit. S. 111.

финляндское гражданство смог получить 561 человек) — 1760.¹⁴⁰ Варьоваара занимал свой пост до 1948 г., когда деятельность попечительства была прекращена вследствие крайней малочисленности прихожан, которые после этого присоединились к приходам по месту проживания. Православные беженцы из Ингерманландии, по преимуществу ижоры, поначалу принадлежали к приходу Палкеала на Карельском перешейке. Для православных были характерны многочисленные случаи перехода в лютеранство. В середине 1930-х гг. среди ингерманландцев в Финляндии оставалось лишь около 150 православных.¹⁴¹

С начала 1920-х гг. стали возникать организации, представлявшие интересы ингерманландских беженцев в Финляндии. В начале 1922 г. газета «Инкерин саномат», которая издавалась в Кексгольме вместо прежней «Кирьясалон саномат», выступила с инициативой создания в Финляндии ингерманландской организации по типу уже существовавшего в этой стране «Карельского союза». 19 февраля 1922 г. на съезде в Рауту был принято решение об образовании «Ингерманландского союза» (Inkerin Liitto), к функциям которого должны были относиться оказание материальной помощи ингерманландцам, содействие им в получении образования и профессиональной подготовки, отстаивание юридических интересов беженцев из Ингерманландии в Финляндии, изучение ингерманландской культуры и ее пропаганда в Финляндии и за рубежом.¹⁴² Учредительное собрание союза было проведено в Хельсинки 25 сентября того же года. Председателем союза был избран Ю. Коскелайнен, возглавлявший его до 1928 г. Затем в течение года этот пост занимал Р. Энгельберг, которого в 1929 г. сменил упоминавшийся выше литературовед В. Салминен. Последний стоял во главе союза до 1938 г., когда новым председателем был избран Э. Хейлимо.¹⁴³ Число членов союза, которыми становились не только беженцы, но и финляндские уроженцы, медленно, но неуклонно росло: в 1922–1923 гг. в его состав входили 125 человек, в 1932 г. —

¹⁴⁰ Inkeriläisten lukumäärä kirkonkirjojen mukaan // KA. VPAKA. I. Keskuskanslia. Hb. 1.

¹⁴¹ Nevalainen P. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä. S. 180.

¹⁴² Nygård T. Op. cit. S. 109; ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об.

¹⁴³ Inkerin Liitto vuosina 1922–1932 // KA. VPAKA. I. Keskuskanslia. Hb. 1; Poytäkirjä 1938 // KA. IA. Kansio XXIII. Inkerin Liitto; Kuka kukin oli. S. 447.

Собрание ингерманландских представителей в Выборге, конец 1920 г.

350 человек, а к 1939 г. уже более 1400 человек.¹⁴⁴ Коллективными членами союза в 1930 г. стали Хельсинкский ингерманландский клуб, Выборгский ингерманландский клуб и Ингерманландское общество в Кексгольме.¹⁴⁵ В 1922 г. под эгидой «Ингерманландского союза» началось издание газеты «Инкери», которую редактировал А. Тииттанен и которая выходила по два раза в месяц. Финансовые проблемы привели, однако, к тому, что с 1926 г. пришлось ограничиваться выпуском газеты один раз в месяц, а на следующий год издание пришлось вообще прекратить. С 1928 г. «Ингерманландский союз» стал передавать материалы для публикации в издаваемый Восточнокарельским комитетом еженедельник «Вапаа Карьяла» («Vapaa Karjala» — «Свободная Карелия»), который с 1931 г., в связи с расширением тематики своих материалов, стал называться «Вапаа Карьяла я Инкери» («Vapaa Karjala ja Inkeri»).¹⁴⁶ На страницах именно этой газеты на рубеже 1920-х — 1930-х гг. появились первые известия о репрессиях при проведении коллективизации и депортациях «кулаков» из Ингерманландии.¹⁴⁷ Кроме

¹⁴⁴ Nevalainen P. Inkerinmaan ja inkeriläisten vaiheet 1900-luvulla. S. 263.

¹⁴⁵ Inkerin Liitto v:na 1930 // КА. ВРАКА. I. Keskuskanslia. Нб. 1

¹⁴⁶ Nygård T. Op. cit. S. 113.

¹⁴⁷ Ibid. S. 171.

того, в течение нескольких лет, начиная с 1922 г., в городе Хямеенлинна «Ингерманландским союзом» издавался ежегодник «Суомалайнен Инкери» («Suomalainen Inkeri» — «Финская Ингерманландия»), который редактировал В. Салминен. К. Тюнни издал в 1929 г. сборник, посвященный десятилетнему юбилею событий гражданской войны в Ингерманландии, что явилось первой попыткой дать оценку истории ингерманландского национального движения.¹⁴⁸ С 1926 г. по финскому радио передавались подготовленные «Союзом» программы, которые знакомили широкий круг слушателей с разного рода сведениями об Ингерманландии. Одним из направлений работы «Ингерманландского союза» была организация национальных праздников. С 1923 г. стали проводиться ежегодные летние ингерманландские праздники.¹⁴⁹ «Союз» участвовал в работе финно-угорских культурных конгрессов, которые проводились в 1924 г. в Таллинне, в 1928 г. в Будапеште и в 1931 г. в Хельсинки. Летом 1930 г. «Ингерманландский союз» совместно с «Карельским академическим обществом» организовали «соплеменный поход» (heimoretki) в Эстонскую Ингерманландию, в котором участвовало более 300 человек, в основном студенческая молодежь.¹⁵⁰

Наряду с Ингерманландским союзом, в Финляндии стали возникать и другие ингерманландские организации. Временный комитет управления Ингерманландии, разместившийся в Выборге, в 1924 г. был преобразован в «Ингерманландский комитет в Финляндии» (Inkeriläisten Toimikunta Suomessa).¹⁵¹ Комитет просуществовал до 1934 г. 28 июля того же года на собрании ингерманландских представителей было принято решение об образовании «Объединения ингерманландцев» (Inkeriläisten Yhdistys), которое взяло на себя функции прекратившего свое существование комитета по ведению дел, связанных с интересами беженцев. Соответствующее решение было принято на собрании в Терийоки 28 июля 1934 г. Председателем «Объединения» был избран А. Метияйнен. В январе 1935 г. в Хельсинки было основано местное отделение «Объединения», которое,

¹⁴⁸ Kymmenen kohtalokasta vuotta. Helsinki, 1929.

¹⁴⁹ Первый праздник состоялся в Кивиниеми на Карельском перешейке, в дальнейшем местами проведения праздников служили Терийоки, Кексгольм, Перкъярви, Валкъярви и Котка.

¹⁵⁰ Inkerin Liitto vuosina 1922–1932 // КА. ВРАКА. I. Keskuskanslia. Nы. 1

¹⁵¹ ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 5. Л. 45 об.

помимо прочего, занималось оказанием поддержки нуждающимся беженцам. Всего же к сентябрю того же года в Финляндии действовало 17 местных отделений.¹⁵² В середине 1930-х гг. К. Тюнни основал «Хельсинкское Ингерманландское общество» (Helsingin Inkeri-seura), главной задачей которого было распространение знаний об Ингерманландии и ингерманландах. С февраля 1935 г. общество приступило к чтению лекций по истории, археологии, диалектам, культуре, церковной жизни финской Ингерманландии.¹⁵³ С 1926 г. существовал особый Ингерманландский архив, учредителями которого выступили Ингерманландский союз, Ингерманландский комитет и общество «Друзья Ингрии»; здесь собирались различные материалы, относившиеся к истории ингерманландских финнов (позднее материалы этого архива были переданы в Государственный архив Финляндии).¹⁵⁴

Деятельность ингерманландских и других эмигрантских организаций в Финляндии не ограничивалась чисто культурными задачами. В печатных изданиях немало материалов было посвящено положению ингерманландцев в Советском Союзе, культивировался образ «плачущей Ингрии, дочери Финляндии», звучали мысли о том, что «взойдет еще солнце над той Ингрией, где не будет русских». ¹⁵⁵ Проекты «Великой Финляндии» продолжали эксплуатироваться различными эмигрантскими и националистическими организациями, и ингерманландский вопрос занимал в этих планах не последнее место. Наряду с собственно ингерманландскими объединениями, подобные идеи пропагандировали такие организации, как «Карельское Академическое общество» (Akateeminen Karjalan Seura — AKS), в программе которого было записано, что Восточная Карелия и Ингерманландия должны принадлежать Финляндии, «Союз независимости» (Itsenäisyyden Liitto), «Союз фенноманов» (Suomalaisuuden Liitto).¹⁵⁶ 9–10 марта 1929 г. в Выборге было проведено совещание депутатов от различных патриотических и эмигрантских организаций, на котором были представлены Карельское Академическое общество, Восточнокарельский комитет, Ингер-

¹⁵² KA. IA. Kansio XVIII. Inkeriläisten yhdistys.

¹⁵³ Tynni A. Op. cit. S. 296.

¹⁵⁴ Kulha K. Op. cit. S. 372; ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹⁵⁵ Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Helsinki, 1989. S. 22–24.

¹⁵⁶ Nygård T. Op. cit. S. 127, 148–150, 234–235.

манландский союз, Ингерманландский комитет, Государственный центр поддержки беженцев, Центральный союз карельских клубов, выборгский и хельсинкский ингерманландские клубы и 11 карельских клубов. На совещании было принято решение об образовании «Центральной комиссии соплеменных организаций» (Heimojärjestöjen Keskusvaliokunta) в целях координации национальной работы. Учредительное собрание новой организации было проведено в Хельсинки 21 апреля того же года. Было избрано правления комитета из пяти человек, которое возглавил предприниматель О. Котонен. В число членов «Центральной комиссии» вошли также члены Ингерманландского комитета Ю. Тирранен и Ю. Пусо.¹⁵⁷ Работа комиссии развивалась по двум основным направлениям: «общая племенная работа» и деятельность по улучшению правового и экономического положения беженцев. Кроме того, с начала 1930-х гг. существовал «Карельско-Ингерманландский совет» (Karjalais-Inkeriläinen Valtuuskunta), объединенный информационный орган «Объединения ингерманландцев» и «Центрального союза карельских клубов».¹⁵⁸ В деятельности всех этих организаций, помимо теоретической стороны, была и практическая: наряду с финскими спецслужбами и русскими эмигрантами, они участвовали в антисоветском шпионаже, занимались пропагандой среди финноязычных меньшинств Советского Союза.¹⁵⁹ К примеру, «Центральный союз Карельских клубов» имел в пограничных с СССР районах специальные отделы, которые вели идеологическую и разведывательную работу.¹⁶⁰ Свои виды на использование беженцев имели и находившиеся в Финляндии русские эмигранты. Так, капитан В. Гранберг, который поддерживал ранее связь

¹⁵⁷ ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 5. Л. 29, 35; Kertomus Heimojärjestöjen Keskusvaliokunnan viidennestä toimintavuodesta vuonna 1933 // КА. IA. Kansio XVI. По данным на 1932 г., в «Центральной комиссии» были представлены 11 организаций: «Ингерманландский комитет», «Ингерманландский союз», «Помощь Ингрии», «Ингерманландские студенты» (Inkerin Ylioppilaat), «Академический племенной клуб», АКС, «Союз фенноманов» и четыре карельские организации.

¹⁵⁸ Karjalais-Inkeriläisen Valtuuskunnan ohjesääntö // КА. IA. Kansio XVIII.

¹⁵⁹ Веригин С.Г., Лайдинен Э.П. Указ. соч. С. 201.

¹⁶⁰ Терюков А.И. Дело «СОФИН» и советско-финляндские отношения в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Россия и Финляндия в XX веке. С. 226–227.

с Б.В. Савинковым и Г. Эльвенгренем, а с 1926 г. руководил «Тайным союзом русской молодежи» — организацией, ставившей целью осуществление террористических и диверсионных акций на территории СССР, предпринимал попытки сформировать ударные партизанские отряды из находившихся на Карельском перешейке ингерманландцев; особыми успехами его усилия, однако, не увенчались. Столь же малоуспешными были попытки полковника А. Григорьева, представителя Высшего монархического совета в Финляндии, организовать боевые группы из русских и олонечских беженцев.¹⁶¹

В материалах местных партийных и советских органов сохранились сведения об антисоветской пропаганде и агентурной работе в районах расселения ингерманландцев. В отчете о работе финской секции губкома партии за первые месяцы 1921 г. отмечалось, что «контрреволюционная пропаганда усиливается в связи с новой экономической политикой, так как контрреволюционные элементы стараются проникнуть в руководство различных организаций в качестве специалистов».¹⁶² В материалах секции за тот же период утверждалось, что в Детскосельском уезде «после заключения мира с Финляндией партийная работа... стала встречать со стороны населения более сильный политический отпор, агитация белых набила крестьянам головы тем, что при заключении мирного договора с Финляндией якобы финнам в Ингерманландии дана культурная автономия и что... они могут вести свою школьную и прочую культурно-просветительскую работу как сами хотят, не завися от декретов и постановлений советской власти». Эту агитацию вело главным образом местное учительство, агитаторов-коммунистов изгоняли из деревни.¹⁶³ Во время Кронштадтского мятежа в марте 1921 г. «контрреволюционные элементы подняли голову» в ряде волостей уезда — Венюкско-Покровской, Мозинской, Вокхоновской, Калитинской, Павловской, а дезертиры распускали по деревням слухи о падении Петрограда.¹⁶⁴ Упомянувшийся выше финский контрреволюционный «президиум» (puhelimiehistö), образованный

¹⁶¹ Nevalainen P. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä. S. 201.

¹⁶² ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 762. Л. 3.

¹⁶³ Там же. Л. 5. В то же время, по данным финской секции, в северной части Петроградского и Шлиссельбургского уездов финское население относилось к советской власти более лояльно, чем в других местностях губернии (Там же).

¹⁶⁴ Там же. Л. 10; Ф. 0-1603. Оп. 1. Д. 151. Л. 7.

Ингерманландский праздник в Терийоки, август 1937 г.

в период гражданской войны в Детскосельском уезде, не прекратил свою деятельность и в последующий период. В конце 1921 г. финская секция при Петроградском губкоме РКП (б) располагала данными о том, что члены «президиума» Я. Парккинен из Гатчины и П. Лорви из Лисино были заняты в Центральном кооперативном товариществе кооперативных союзов Петроградской, Псковской, Новгородской и Олонецкой губерний и имели постоянные связи с Финляндией, а их сотрудники вели агитацию среди крестьян.¹⁶⁵ В частности, С.А. Вилланен, бывший член РКП (б) и председатель Дудергофского волостного Совета, возбуждал финнов против русских партийных и советских работников.¹⁶⁶ Другой член «президиума», М. Каасолайнен, был несколько месяцев директором Гатчинского педтехникума.¹⁶⁷ В числе активистов организации назывались упоминавшийся уже А. Хямялайнен из Сквориц, Т. Хирвонен из Дудергофа, Й. Сакка из деревни Сакка Гатчинского уезда, Останен из деревни Тайцы.¹⁶⁸ В Белоостровской волости против советской власти,

¹⁶⁵ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 58. Л. 117.

¹⁶⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 762. Л. 69.

¹⁶⁷ Там же. Д. 11 886. Л. 2.

¹⁶⁸ Там же. Д. 11 863. Л. 1. Возможно, впрочем, что сведения о масштабах антисоветской деятельности упомянутого «президиума»

в частности, против уплаты продналога, агитировал заведующий семенным складом Ф. Ильин из деревни Меритуйту (Мертуть).¹⁶⁹ В конце 1921 г. в разных местах кто-то распускал слухи, будто у крестьян будут реквизировать лошадей для выплаты Польше, а в Ямбургском уезде велись разговоры о скором восстании против коммунистов, которое будет поддержано Эстонией и Финляндией.¹⁷⁰ В 1923 г. сообщалось, что в непосредственной близости от границы, в Раасули, издавались и нелегально переправлялись через границу пропагандистские брошюры, стоял же за всем этим «Ингерманландский союз».¹⁷¹ В Токсовской волости местная ревтройка в марте 1921 г. постановила арестовать агронома П.М. Лангинена и четверых учителей, в том числе жену Лангинена, «как ненадежных граждан..., показавших свою меньшевистскую белогвардейскую работу в течение последнего времени».¹⁷² На одном из заседаний Куйвозовского волостного исполкома в ноябре 1924 г. отмечалось, что «в Никулясах есть несколько семейств, которые все время поддерживают недовольство среди населения, и если эти активные возбудители недовольства были бы оттуда удалены, в местности наступило бы более спокойное житье».¹⁷³ В обзоре информационного отдела ОГПУ о политическом состоянии СССР за декабрь 1927 г. утверждалось, что в Ленинградском округе (не уточнялось, где именно) некая эстонская группировка систематически устраивала свои собрания, поддерживая через своего руководителя связь с местным пастором и через последнего — с Эстонией. Согласно этому же обзору, в округе в отчетном месяце было зарегистрировано 11 случаев избие-

были несколько преувеличены игравшими первенствующую роль в финской секции губкома финскими эмигрантами, у которых не всегда гладко складывались отношения с советскими и партийными деятелями из числа местных финнов. Так, упомянутый «контрреволюционер» М. Каасолайнен, вместо того, чтобы подвергнуться каким-то репрессиям, еще в конце 1920-х гг. работал на должности финского инспектора Ленинградского областного отдела народного образования, а в 1928 г. вступил в ВКП (б) (ЦГА СПб. Ф. 7444. Оп. 10. Д. 2. Л. 4).

¹⁶⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 762. Л. 75.

¹⁷⁰ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 57. Л. 8.

¹⁷¹ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 91. Л. 62.

¹⁷² Там же. Ф. 1049. Оп. 1. Д. 107. Л. 13.

¹⁷³ Там же. Ф. 212. Оп. 1. Д. 244. Л. 3.

ний и покушений на работников низового аппарата и деревенских активистов.¹⁷⁴

Активность контрабандистов в приграничных районах была для советских властей таким же источником головной боли, как и для финских. Наиболее «пораженными» контрабандой пограничными территориями с советской стороны считались Термолово, Охта, Лемболово, Керро и Мустолово.¹⁷⁵ Контрабандисты были людьми, как правило, аполитичными, заботившимися лишь о личной наживе. Однако именно погоня за наживой могла порой заставить их взяться, за определенную мзду, за выполнение заданий, связанных с политической пропагандой и шпионажем. В заключительном акте рабочей комиссии по обследованию борьбы с контрабандой в Ленинградском округе от 6 апреля 1925 г. отмечалось, что контрабанда в Сестрорецком районе является «по существу чисто подсобной отраслью и маскировкой шпионской работы и самостоятельного значения... не имеет».¹⁷⁶ Ижорские и финские рыбаки с Сойкинского полуострова и из других прибрежных районов Кингисеппского и Троицкого уездов, как утверждала финская секция губкома, подолгу бывая в море и общаясь с рыбаками из Финляндии, попадали под влияние финнов, получали от них контрабанду, через них передавались и агитационные материалы. В Сойкино в начале 1926 г. была обнаружена русская белогвардейская прокламация «Общества спасения России».¹⁷⁷

В общем и целом антисоветская работа среди ингерманландцев не имела большого успеха. В одной из сводок финской секции Петроградского губкома РКП (б) настроение среди финского населения характеризуется как спокойное, «несмотря на то, что белогвардейская агитация, руководимая из Финляндии, и замечается в некоторых местностях».¹⁷⁸ Я. Рахья в цитированном выше докладе отмечал: «Отношение населения к советской власти, которое... ранее было крайне враждебным..., за последнее время круто изменилось. Население, испытав все бедствия набегов белофинских банд, разбои, угон скота, убийства и т.п., стало ясно видеть, что спасение от всего этого мо-

¹⁷⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. М., 1999. С. 122.

¹⁷⁵ Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Указ. соч. С. 143–144.

¹⁷⁶ Там же. С. 132–133.

¹⁷⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 12 048. Л. 31 об.

¹⁷⁸ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 58. Л. 123 об.

жет дать только советская власть».¹⁷⁹ В отчете Ингерманландского союза о работе за 1926 г. признавалось, что ему «в течение года не удалось непосредственно влиять на Ингрию. В своей работе пришлось ограничиться Финляндией... Сама Ингрия от Финляндии была совершенно изолирована».¹⁸⁰ Тем не менее, во второй половине десятилетия власти сочли нужным предпринять ряд мер для нейтрализации антисоветского влияния в местностях, населенных национальными меньшинствами. В мае 1928 г. секретариат Ленинградского обкома ВКП (б) отмечал рост политической активности «классово чуждых и враждебно настроенных к советской власти и партии элементов» среди сельской национальной интеллигенции, ее сближение с кулачеством и религиозными деятелями. Летом того же года была активизирована кампания по «классовому распределению дворов» в ингерманландской деревне, в ходе которой районные исполкомы утверждали решения сельских советов об отнесении тех или иных крестьянских семей к кулацким хозяйствам.¹⁸¹ В 1928–1929 гг. бюро и секретариат Ленинградского обкома партии несколько раз рассматривали вопрос о положении в приграничных районах, имея в виду в первую очередь границу на Карельском перешейке. Для преодоления «растущей активности антисоветских элементов» следовало пересмотреть состав партийных, советских, хозяйственных, кооперативных организаций, действовавших в пограничной полосе. В этот же период появилось секретное постановление Обкома «О борьбе с враждебными элементами среди сельского учительства», обязывавшее местные партийные организации провести «решительное отстранение от работы в школах явно враждебных антисоветских элементов из среды сельского учительства, разлагающе влияющих на окружающие массы...».¹⁸² Эти решения и мероприятия явились предвестниками тех перемен, которые обрушились на ингерманландскую деревню в начале 1930-х гг.

¹⁷⁹ Там же. Д. 91. Л. 60.

¹⁸⁰ ЛОГАВ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

¹⁸¹ Суни Л.В. Ингерманландские финны // В семье единой. С. 68.

¹⁸² Там же. С. 68–69.